

Н. В. Лобанова

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ЭПОХИ НЕОЛИТА КАРЕЛИИ

Вопросы возникновения и развития древних человеческих обществ, их контактов и культурных взаимодействий являются одними из важнейших и сложнейших направлений современных исследований. Они напрямую связаны с вошедшими в научный оборот понятиями «этнос» и «этничность», содержание которых в научной литературе до сих пор остается неясным, несмотря на развернувшиеся в последнее время дискуссии (Чешко, 1994; Рыбаков, 2003). Нет общепринятого формального определения этноса, есть только описательная характеристика как совокупности людей, которые связаны общими чертами и особенностями культуры и психики (Бромлей, 1983, с. 44–57). Не выяснены и причины сложения этносов. Обычно указывают на территориальную обособленность и этническую идентичность, на социальные и политические предпосылки. Вместе с тем некоторые исследователи полагают, что существует что-то еще, что можно назвать фундаментальными закономерностями организации человечества, социальным инстинктом коллективности (Чешко, 1994, с. 40–41).

Многие этнологи считают, что в основе этнических различий лежит культура, однако для их проявления необходим определенный уровень ее развития. Так, по мнению С. А. Арутюнова, в древнейших человеческих коллективах еще не могло быть этнического различия, поскольку слишком однородны формы деятельности, неразвиты орудия. Предпосылки оформления первых этнических признаков проявляются в эпоху завершения сапиентации – время перехода от среднего к верхнему палеолиту (Арутюнов, 1989, с. 57–58).

Таким образом, исторически наиболее ранней этнической единицей ряд исследователей считает раннепервобытную общину (Алексеев, 1986, с. 136). Эпохи неолита и энеолита признаются самыми важными вехами на пути развития древних этносов и языков. Предполагается, что основная масса ныне известных языковых семей начала складываться именно в это время (Дьячок, Шаповал, 1986). Лингвисты пытаются увязать этот процесс с «неолитической революцией» и последующим широким распространением новых элементов древней культуры, хотя, естественно, прямых доказательств такой связи они не приводят. Что касается этногенетических процессов, то в это время они теоретически могли приобрести вполне развитые формы.

Единственными источниками для реконструкции этнической истории населения определенного региона являются археологические, отчасти палеоантропологические материалы. В связи с этим особую роль приобретают выделение и изучение археологических культур. Соотношение археологической культуры и этноса – одна из старых и центральных проблем археологии, которая все еще далека от своего разрешения. Проблема имеет гораздо более общий характер и касается регулярностей во всех типологических рангах материальной культуры – от единичных признаков до обширных культурных ареалов. Многие археологи (А. Я. Брюсов, М. Е. Фосс, Н. Н. Гурина, В. П. Третьяков) полагали, что археологическая культура – яркое свидетельство существования в эпоху неолита устойчивых объединений родственных племен. Вместе с тем исследователи выделили и более крупные общности, представленные несколькими такими формированиями с общими элементами культуры и соответственно обладавшие генетическим родством, – культурные области. В качестве примера приводилась культура ямочно-гребенчатой керамики, распространенная в эпоху неолита на обширных пространствах лесной зоны. Культуры, обладавшие сходством, не имевшим этнического характера, объединялись в культурные зоны. Культурной провинцией считался район, где на протяжении длительного времени сохранялось некое единство, специфичность и общие традиции (Формозов, 1959, с. 11–24). Эта точка зрения была активно поддержана Н. Н. Гуриной. В каждой этнокультурной области она видела этническую или этнолингвистическую общность,

состоящую из группы родственных племен, говоривших на диалектах одного языка, обладавших многими общими чертами культуры. Такие группы родственных племен она считала основными этническими единицами эпохи неолита (Гурина, 1973, с. 16), однако некоторые этнографы не согласились с этим. По их мнению, археологическая культура в большей степени соответствует этнографической историко-культурной области, часто являющейся этнически неоднородной, а составляющие ее элементы совсем не обязательно имеют общее происхождение (Левин, Чебоксаров, 1955, с. 16).

Вышеизложенные представления отражали степень изученности археологами неолитических памятников в 1950-х – начале 1970-х гг., когда было принято делать широкие этноисторические обобщения на основе изучения орнамента керамики и отдельных особенностей каменного инвентаря, без необходимого количества данных и детального анализа культурных компонентов. В начале XXI в., несмотря на значительный рост и прогресс археологических исследований, по-прежнему ощущается острая нехватка детальных разработок по неолиту лесной зоны России, не преодолена неравномерность в исследовании культур разных территорий; по сути, отсутствуют единые и обоснованные критерии для сравнительного анализа как керамики, так и каменного инвентаря.

На наш взгляд, нет археологических оснований прямо отождествлять ту или иную неолитическую культуру с существующими ныне этносами. Эта эпоха отделена от нас не менее чем на 5–6 тысяч лет. Более того, вопрос состоит в том, могут ли отдельные признаки древних культур и их комбинации прямо отражать этнические различия, и если так, то в каких случаях и почему. Совокупность компонентов определенной культуры чаще весьма фрагментарная, и элемент субъективности практически всегда заложен при процедуре выделения археологической культуры. Всегда ли можно на основании археологических данных четко фиксировать факты древних миграций или автохтонного развития? Прослеживаемые изменения в элементах культуры зачастую не являются результатом смены населения или его ассимиляции, они могли быть вызваны какими-то иными причинами (например адаптацией к изменившимся природным условиям).

Таким образом, возможность реконструкции этнических процессов всегда будет лишь гипотетической для многих эпох, особенно для каменного века. В ряде случаев (для более поздних археологических эпох) можно лишь ставить вопрос о большей или меньшей вероятности относительно полного совпадения археологической культуры и этноса. Можно предполагать, что в древности происходили достаточно сложные процессы, характеризующиеся перемещениями населения, ассимиляцией, дроблением, дифференциацией и т.д. Есть много древних источников, повествующих о такого рода событиях. Вместе с тем этнокультурная интерпретация археологических данных – это крайне сложная комплексная проблема для археологов и палеоисториков. По мнению этнографов, в древние эпохи этносы были менее дискретны и не так отгорожены друг от друга. Они вряд ли являлись долговечными и неизблемыми. Хотя, если этот вывод и допустим по отношению к этническим группам, то как быть с обширными группами финских, германских, славянских и других этносов? Утверждается также, что фундаментальное единство основ культуры в древности на широкой территории – это один из факторов, позволявших довольно легкую и быструю смену этнической принадлежности у отдельных племен в ходе межэтнических контактов (Арутюнов, 1982, с. 44). Вряд ли это проясняет реальную ситуацию, так как «фундаментальное единство основ культуры» существовало и позднее, скажем, у охотников-рыболовов лесной зоны, да и в других случаях, но это вовсе не основной мотив смены этнической принадлежности конкретным человеком.

В археологических исследованиях важную роль, на наш взгляд, приобретает сравнение соседних, хронологически близких археологических культур, что позволяет выявить тенденции развития, сходство и различия, границы их территорий. Не менее важно установить общность и преемственные связи с предшествующим культурным образованием. Возможно, в одних случаях эти общность и преемственность могут действительно отражать также и этническую общность и преемственность, а в других случаях и не отражать их. Вопрос состоит именно в том, а как различить такие случаи? Ясного ответа пока нет.

Разумеется, вопрос о методах выделения этнической специфики на археологических источниках и тем более об отождествлении их с конкретными этносами или этническими группами становится несколько перспективнее применительно к более поздним эпохам, поскольку у исследователей поздних периодов увеличиваются возможности сравнения с лингвотопонимическими данными, которые ближе к современным языкам. Однако многие археологи и лингвисты умозрительным путем с необыкновенной легкостью увязывают, например, древнейшие стадии развития уральских языков с культурами каменного века – раннего металла. Такие построения даже трудно подвергнуть критическому анализу, так как невозможно зацепиться за реальные факты, на которых они основаны. Это целиком цепочки предположений или проекции умозрительных моделей в древность.

Неолитические культуры Карелии и сопредельных территорий

Неолитическая эпоха в Карелии изучена далеко неравномерно в территориальном и культурно-хронологическом отношении, хотя планомерные работы ведутся очень давно, с 1930-х гг., и в целом эти памятники относятся к числу наиболее хорошо исследованных в лесной зоне Европейской России, особенно поселения с ямочно-гребенчатой посудой. В 1990-е гг. возник определенный застой, связанный с экономическим кризисом, однако сейчас полевые исследования памятников эпохи неолита постепенно возобновляются.

В течение последнего десятилетия появилась серия новых публикаций по неолиту лесной зоны центра Русской равнины и соседних областей, основанных на материалах масштабных раскопок и данных естественных наук (Сидоров, 1990; Древние охотники и рыболовы Подмосковья, 1997; Ставицкий, 1999; Жилин и др., 2002). Раскопаны первые погребения верхневолжцев и льяловцев (Алексеева, 1997). В настоящее время существенно уточнены хронология и периодизация неолита Волго-Окского междуречья, сняты или сглажены некоторые противоречия во взглядах разных исследователей памятников этого региона.

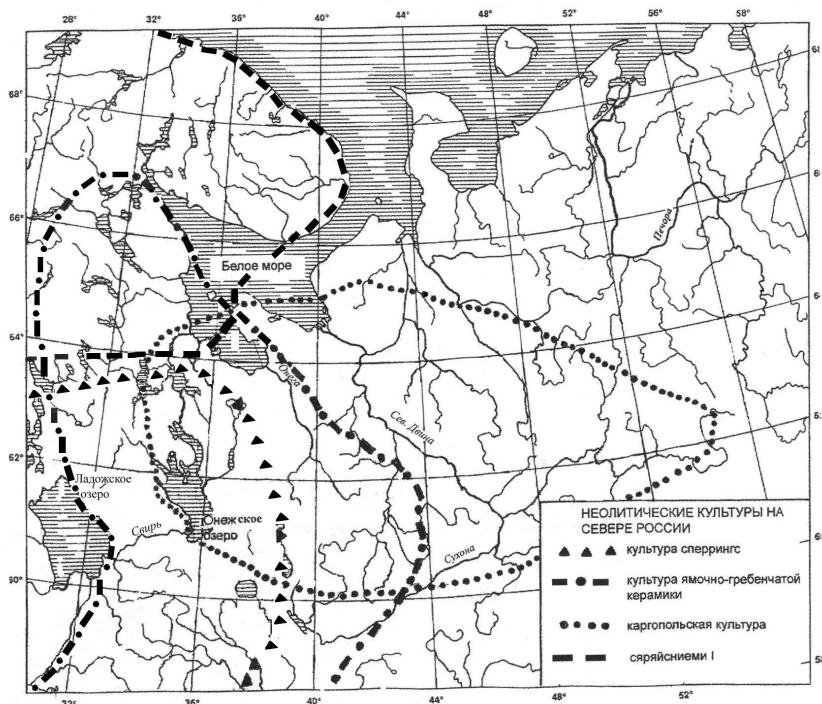
Ниже приводятся общая характеристика ранне- и средненеолитических культур Карелии и сравнение их с близкими материалами

соседних и сопредельных территорий. Основное внимание традиционно уделяется анализу керамических комплексов.

Ранний неолит. Этот период в Карелии представлен своеобразной культурой сперрингс, которая локализуется в южной и центральной частях республики имеет сходство обширным кругом памятников накольчато-гребенчатой традиции на территории между Зауральем и Балтикой. Сюда же относится свыше 40 памятников слабо изученной культуры Сярайсьними 1 (Сяр 1), выявленных на севере (Витенкова, 1996а).

Памятников с керамикой сперрингс в Карелии насчитывается в настоящее время не менее 157, в том числе 27 с относительно чистыми комплексами (Герман, 1996, с.190). Их ареал несколько выходит за пределы Карелии и устанавливается достаточно четко (рис.): западное побережье Финляндии вместе с Аландскими островами (около 50 памятников), запад Архангельской, северо-запад Вологодской и север Ленинградской областей (имеется незначительное число поселений). Наиболее насыщен такими памятниками бассейн Онежского озера. Изучено около 100 поселений (к сожалению, степень исследованности большинства пунктов оставляет желать лучшего), многие из которых содержали разновременные комплексы находок. Явные следы жилищных построек не выявлены за единственным исключением.

Керамику сперрингс отличает оригинальность элементов и мотивов узоров, составленных прочерченно-отступающими штампами, отпечатками позвонков рыб, а также оттисками веревочки и оригинальными штампами (Титов, 1972; Панкрушев, 1978, ч. 2). Существенно преобладают прочерченно-отступающие и позвонковые элементы. По последним статистическим данным, число сосудов с позвонковыми элементами чуть превышает их количество с отступающими и прочерченными узорами (Герман, 2001, с. 8). Следует также отметить, что на поселениях не встречена керамика, декорированная только оттисками рыбьих позвонков (исключая коллекции из раскопок слабо изученных памятников). Характерно применение разнообразных штампов – будь то прочерченные и отступающие линии или позвонки, но часто нет никакой разницы в самой структуре узоров.

Примерные границы неолитических культур

В керамике сперрингс сначала не выделялась гребенчатая техника орнаментации. Такая посуда, изредка встречаемая на ранних неолитических поселениях, рассматривалась в качестве отдельного типа (Панкрушев, 1978, ч. 2, с. 54). Современные исследователи считают, что керамика с гребенчатыми узорами является ее разновидностью (Витенкова, 1996а, с. 77; Герман, 2001, с. 7). Доля такого элемента составляет от 3 до 16%. Он преобладает на востоке и юго-востоке Карелии. Скорее всего, орнаментация гребенчатым и специфическим фигурным штампом отражает более поздний этап развития сперрингс, но в настоящее время это доказать сложно.

Для раннего этапа этого типа керамики в большей степени характерны узоры из отпечатков рыбных позвонков, а позднее существенно возрастает роль прочерченно-отступающих, гребенчатых,

веревочных и прочих штампов. На ряде памятников позднего этапа в юго-восточной Карелии прослежены заимствованные элементы и мотивы от ямочно-гребенчатой керамики (Лобанова, 1996а, с. 104).

Каменный инвентарь культуры сперрингс изготавливался преимущественно из местных пород – сланца, кварца и лидита. Применялся также песчаник, кварцит и шифер (для абразивов) и кремнь (в районах, более близких к его месторождениям). Технология изготовления орудий из пластин почти отсутствует. По мнению некоторых археологов (Панкрушев, 1978, ч. 2, с. 74), каменные изделия, характерные для культуры сперрингс, свидетельствуют о преемственной связи с предшествующей мезолитической эпохой. Другие авторы (см. ст. В. Ф. Филатовой в наст. сб.) отвергают эту преемственность. Данные полярные мнения отражают явное несовершенство методики анализа процесса смены культурных типов при переходе от мезолита к неолиту.

Хронология культуры сперрингс базируется на небольшом числе радиоуглеродных дат (памятники бассейна Онежского озера), высотных и сравнительно-типологических данных, что укладывается в промежуток времени между серединой V и началом IV тыс. до н.э. (Герман, 2004, с. 56–59). Датировка однокультурных памятников на территории Финляндии примерно совпадает (Salomaa, Matiskainen, 1985).

Почти совершенно не разработаны в Карелии вопросы, связанные с ранненеолитической культурой СярйясниEMI 1. Она занимает территорию Северной Фенноскандии (см. рис.). В Карелии известны 53 памятника с этой керамикой. Отметим, что сами критерии ее выделения в особый тип не совсем понятны, в результате чего одни и те же керамические комплексы то признают типом сперрингс, то относят к Сяр 1, как, например, материалы поселения Ерпин Пудас 1 (Савватеев, 1977, с. 29–30; Герман, 2001). Еще более непонятно то, что этот северный тип посуды находят на северо-востоке Ленинградской области (Гусенцова, 2003, с. 268–276). На самом деле элементы и мотивы орнаментации, свойственные Сяр 1, можно найти и в льяловской керамике, и не только там.

Культура была выделена в северной части Скандинавии на основании особенностей не только керамики, но и каменного инвентаря и других ее элементов (Helskog, 1980, p. 52–54; Torvinen, 2004, p. 128–134). Керамика Сяр 1 украшена оттисками разнообразных гребенчатых штампов. Наиболее типичный мотив узора – горизонтальный зигзаг с ямками в его углах, выполненный гребенчатыми оттисками, прочерченными или веревочными штампами. Есть более сложные штампы. От сперрингс эту посуду отличает отсутствие позвоночного элемента в орнаменте, малое число отступающе-прочерченных узоров и абсолютное преобладание гребенчатых штампов (80%). По мнению К. Э. Германа, керамика Сяр 1 в Карелии инородная, она появляется в результате культурного влияния из северной Финляндии в среде местного мезолитического населения, где подвергается сначала влиянию сперрингс, а потом и ямочно-гребенчатой. Это выражено в заимствованиях элементов и орнаментальных мотивов. Финал культуры неясен (Герман, 2001). Другие считают, что Сяр 1 – это подтип сперрингс, ее северный территориальный вариант (Витенкова, 1996а, с. 80) Карелии. На наш взгляд, подобные выводы недостаточно обоснованы в силу слабой исследованности северных районов в Карелии.

Несмотря на то что определенных данных о хронологии и периодизации керамики нет, однако с учетом датировок по C_{14} в северной Финляндии можно предполагать, что она появляется в северных районах позднее, чем керамика сперрингс в южной части Карелии, возможно, на рубеже V–IV – в начале IV тыс. до н.э.

В Волго-Окском бассейне самый ранний пласт памятников эпохи неолита связан с верхневолжской культурой (Крайнов, Хотинский, 1977). Многие археологи полагают, что на ее основе формировались ранненеолитические древности северной и северо-западной частей лесной зоны. Изученные стоянки верхневолжской культуры отражают малую степень оседлости, все они очень кратковременные. Выявлены жилища овальной, округлой или прямоугольной формы с очагами в центре площадью 6–12 м², но их мало, видимо, они были наземными. Находок в жилищах немного, нет развалов горшков.

Периодизация и хронология верхневолжской культуры детально разработана в последнее время (Энговатова, 2000, с. 94; Жилин и др., 2002, с. 40–43; Лозовский, 2003, с. 219–240). Выделены три этапа, которые укладываются в промежуток времени конец VI – рубеж IV–V тыс. до н.э. (Костылева, Зарецкая, 2004, с. 52–55). Древнейшая керамика плоскодонная и остродонная, с обильной примесью шамота или органики. Сосуды часто ангобированы, на стенках отмечены следы расчесов, лощения и охры. Однообразный, разреженный орнамент выполнен в виде подовальных тычков или наколов, покрывающих венчик и придонную часть сосудов. Иногда в верхней части встречаются сверленные сквозные ямки. На территории Карелии таких сосудов нет.

Для среднего этапа культуры типичен орнамент, выполненный отступающими (ложношнуровыми), прочерченными штампами и короткозубчатыми гребенчатыми оттисками. Последних больше всего, прочерченные оттиски редки. Имеются сосуды, сочетающие в орнаментах оттиски шнура и наколов, шнура и короткой гребенки. Плоские днища исчезают, остаются только приостренно-округлые; в тесте сосудов преобладает шмот, однако нередко к нему добавляется дресва или песок. Аналоги такой посуде в Карелии также не выявлены.

Основным признаком орнамента поздней верхневолжской керамики являются длинные гребенчатые оттиски, которые часто сочетаются с наколами (тычками) и короткозубчатыми штампами, а также с ямками цилиндрической или конической (с неправильной окружностью) формы. Донца этих сосудов, в отличие от более ранних, имеют округлую форму. Встречаются также керамика с прочерченными оттисками (Лозовский, 2003, с. 235–236, рис. 9). Такие сосуды как формой, так и орнаментацией очень напоминают сосуды типа сперрингс.

В это же время появляются сосуды с неорганической примесью, с круглыми ямками и гребенчатым узором, часто в виде зигзага. Их единственное отличие от верхневолжских – использование для орнамента белемнита. На наш взгляд, данная керамика тоже по многим признакам сопоставима с карельской ранней гребенчатой,

сопровождающей сперрингс. Таким образом, можно признать явное сходство позднего этапа верхневолжской керамики и раннего этапа керамики сперрингс.

Генезис верхневолжской культуры связывается с позднебутовскими комплексами, которые в свою очередь восходят к поздне-свидерским культурам, что указывает на западное направление связей мезолитического населения (Жилин и др., 2002, с. 72). Исследователи считают, что на рубеже VI–V тыс. до н.э. бутовская культура плавно сменяется верхневолжской. Прослеженная по каменному, роговому и костяному инвентарю преемственная связь этих двух культур видится им достаточно обоснованной (Лозовский, 2003, с. 223–225). В дальнейшем, в самом конце V тыс. до н.э. верхневолжскую культуру сменяет льяловская, на основе которой формируется протоволосовская и волосовская (Сидоров, 1990, с. 109). Таким образом, рисуется картина постепенного перерастания одной культуры в другую на протяжении мезолита – раннего металла. Однако не все разделяют данное мнение, определенные сомнения есть у А. Н. Сорокина (1991, с. 28–37).

Принципиально важные материалы для уточнения вопросов генезиса и отношения культуры сперрингс к верхневолжской получены недавно в восточной части Вологодской области (Недомолкина, 2004, с. 265–279). На поселении Векса III в бассейне р. Сухоны различаются три различных неолитических культурных слоя. Ранне-неолитический выделяется стратиграфически, а материалы развитого и позднего этапов перемешаны. Ранне-неолитическая керамика имеет отчетливо выраженное влияние со стороны верхневолжской – сосуды с отпечатками прямого или наклонного длинного гребенчатого штампа. Дополнительные элементы – ямки и отступающие штампы. Сосуды небольшие, срезы более тонкие, отогнуты наружу, часть их орнаментирована, что также имеет прямые параллели с верхневолжскими. В то же время Н. Г. Недомолкина указывает на сходство ранне-неолитических комплексов с северо-восточными материалами (Эньты) и предполагает, что в раннем неолите эта территория заселялась с разных мест – как с юга, так и с востока (Недомолкина, 2004, с. 277–278).

Новые материалы из Вологодской области позволяют сократить территориальный разрыв, существующий между культурами сперрингс и верхневолжской, и в дальнейшем могут послужить основой для более детального выяснения связей между ними.

Средний неолит. Следующий этап неолита лесной зоны представлен культурой ямочно-гребенчатой керамики. Карелия находится на северо-западной периферии этой обширной области. В целом территория очерчивается следующим образом: на севере это низовья р. Выг, на юге северная часть Ленинградской области, на западе и юго-западе она не доходит до современных границ между Карелией и Финляндией, а на востоке и юго-востоке захватывает бассейн оз. Белое и западную часть Архангельской области. Отдельные поселения также зафиксированы в районе Ловозера (Мурманская область) (см. рис.).

Карельская культура ямочно-гребенчатой керамики представлена значительным числом памятников (свыше 300) и исследована относительно хорошо, правда, неравномерно. Больше всего археологических материалов получено в бассейне Онежского озера и в юго-западном Беломорье (Лобанова, 1996а, б), где исследованы основные памятники. Они представлены как долговременными поселениями с мощным культурным слоем и многочисленными находками площадью до 1500–3000 м², так и сезонными краткосрочными стоянками Жилища выявлены лишь на двух памятниках, относящихся к развитому этапу культуры. С культурой ямочно-гребенчатой керамики (всех этапов ее развития, включая памятники с ранней ромбоямочной посудой), по всей вероятности, связаны наскальные изображения Онежского озера и р. Выг (Лобанова, 1996а, с. 103).

Неолитические памятники в пределах указанного ареала относятся к кругу культур льяловской керамической традиции со сплошными горизонтально-зональными узорами из ямок и оттисков гребенчатых штампов, широко распространенной в центре Русской равнины. Однако на территории Карелии и прилегающих районах их общей отличительной чертой является заметное преобладание круглоямочных вдавлений в орнаментации сосудов на

всех этапах развития. Другие элементы, такие как гребенчатый, торцевой, веревочный, гладкий и т.д., применяются намного реже. Керамика ямочно-гребенчатого типа орнаментации имеет некоторые специфические особенности в разных районах Карелии. Так, в восточной части ареала чувствуется влияние керамических традиций каргопольской культуры, тогда как в западной прослеживаются связи с культурой сперрингс (Лобанова, 1996б, с. 207). Важно также отметить, что полученные материалы дают возможность для реконструкций полных форм сосудов и детального изучения их орнаментов, особенно на памятниках юго-восточной Карелии. Таких возможностей нет пока для раннеолитических культур.

Согласно археологическим, радиоуглеродным, спорово-пыльцевым и высотным данным, хронологические рубежи культуры определяются концом V – началом III тыс. до н.э. (Лобанова, 2004, с. 253–264). Выделены три этапа в ее развитии, основой для которых послужили изменения в материальной культуре, прежде всего в керамике (вопросы, связанные с позднелитической культурой, см. в ст. И. Ф. Витенковой в наст. сб.).

Ранний этап (конец V – первая половина IV тыс. до н.э.) в основном представлен поселениями юго-восточной Карелии. Керамика, характерная для этого времени, украшена круглыми ямками и горизонтальными поясками штампа (оттиски торца палочки или косточки), выполненного в отступающей технике. Эту посуду сопровождает инвентарь, сохраняющий в отдельных чертах преемственные связи с эпохой позднего мезолита, что подтверждается материалами памятников восточного побережья Онежского озера (Лобанова, 2004, с. 254–255). Развитый этап культуры связан со второй половиной IV тыс. до н.э. Керамика несколько отличается своей орнаментацией от ранней. Заметно возрастает роль гребенчатых оттисков, именно в это время проявляется сходство орнаментальных композиций керамики сперрингс, каргопольской и льяловской. Это сходство проявляется по-своему и в разной степени, в зависимости от территориальной близости к соседним культурам, длительности и устойчивости контактов. Горизонтально-зональное построение узоров на сосудах дополняется диагональным

и вертикальным. На 10–15% сосудов фиксируется очень сложный и своеобразный орнамент, так называемый многорядный зигзаг, составленный ямками и различными оттисками штампа, прежде всего гребенчатого (Лобанова, 1996б, с. 209).

Каргопольская керамика обнаружена на 20 поселениях восточной Карелии, где она всегда залегает вместе с ямочно-гребенчатой развитого облика и является, видимо, ее разновидностью (Лобанова, 1997, с. 85–95). Основной ареал этой оригинальной посуды (почти без орнамента с насечками и сквозными ямками по краю сосудов) находится в бассейнах рек Онеги, Северной Двины и Вычегды (см. рис.). Эта обширная территория протяженностью около 2 тысяч км в длину имеет хорошо развитую гидрологическую сеть, по которой осуществлялись передвижения населения в эпоху развитого неолита. К сожалению, круг вопросов, связанных с углубленным изучением каргопольской керамики, сопровождающего ее каменного инвентаря и других элементов культуры, остается пока за пределами внимания исследователей.

Памятники льяловской культуры, которая с момента своего выделения признавалась в качестве исходной основы для других культур развитого неолита лесной зоны, в последнее время активно исследуются рядом археологов (Сидоров, 1997; Жилин и др., 2002; Лозовский, 2003). Уточнены сведения о ее хронологии и периодизации, изложены взгляды на происхождение и место памятников в ряду аналогичных на других территориях. Согласно современным представлениям, льяловская культура существовала не более 1000 лет, целиком укладываясь в IV тыс. до н.э., и, возможно, завершилась в самом начале III тыс. до н.э.

Ранний этап относится к концу первой четверти IV тыс. до н.э., развитый – к концу третьей четверти и поздний падает на последнюю четверть IV – начало III тыс. до н.э. (Лозовский, 2003, с. 219–240). Среди исследователей этой неолитической культуры больше нет серьезных разногласий по поводу периодизации керамики, однако проблема ее происхождения по-прежнему остается дискуссионной. Ситуация осложняется тем, что ранней льяловской керамики найдено очень немного. Это сосуды крупного или среднего размеров с обильной примесью дресвы. В орнаменте гребенчатая

орнаментация заметно преобладает над ямочной. Под венчиком часто нанесен поясок зигзага из гребенчатых отпечатков, прокатанных от ямки к ямке. Этот орнаментальный мотив обычно считается одним из маркирующих признаков северной керамики Сяр 1. В недавних работах (Жилин и др., 2002, с. 43–45) сюда относят и так называемую керамику северных типов, или, по другой терминологии, архаичную льяловскую (Спиридонова, Энговатова, 1997, с. 116–117). На территории Карелии эта своеобразная керамика встречается только в комплексах сперрингс. На ней узор представляют разреженные конические в профиле ямки в сочетании с коротким зубчатым штампом, чаще косым. Иногда в междурядьях поставлены тычки, а под срезом сосуда – зигзагообразный поясок. На ряде фрагментов такой керамики зафиксирован прием, встречающийся на сперрингс, гребенчатый оттиск нанесен с нажимом на один конец. Одни исследователи полагают, что раннельяловские сосуды являются переходными от поздней верхневолжской посуды, но другие не видят преемственности между этими комплексами в орнаментальном отношении (Жилин и др., 2002, с. 43–44).

Для развитого этапа культуры типичны сосуды с примесью дресвы и песка, часто с орнаментированными срезами, классическими горизонтально-зональными узорами из ямок и гребенчатых поясков, которые иногда заменяются полулунными, ямчатыми или веревочными оттисками.

Финал культуры связан с распространением так называемой редкоямочной керамики. Она обычно довольно многочисленна и очень стандартна. Это тонкостенные сосуды больших размеров, удлиненные и остродонные, с примесью мелкой дресвы и песка. Венчики отогнуты, гофрированы или чуть утолщены. Орнамент составляют ямки круглые или овальные, которые нередко образуют геометрические композиции (фестоны, многорядные горизонтальные зигзаги и т.д.). На сосудах видны полосы от заглаживания. Надо отметить, что по ряду орнаментальных признаков позднельяловская керамика действительно сходна с комплексами, выявленными в юго-восточной Карелии и восточном Прионежье, однако сходство это внешнее. Вероятно, здесь следует говорить просто

о каких-то заимствованиях с севера, где узоры из одних ямок еще продолжали существовать, хотя возникли они значительно раньше, чем в Волго-Окском междуречье.

Анализ археологических материалов эпохи неолита, собранных к настоящему времени в Карелии, приводит к заключению о существенной разнице между двумя культурами Карелии, истоки которой можно объяснить их различным происхождением. Культура сперрингс возникла на территории Карелии в середине V тыс. до н.э. (примерно на 400–500 лет раньше) и просуществовала более короткий отрезок времени, возможно, не более 700–900 лет. Тезис о том, что керамика сперрингс не была местным изобретением, а заимствована от верхневолжской посуды, признается почти во всех последних работах (Герман, 2001; Тимофеев, 2004). Близость особенно заметно проявляется в мотивах и структуре узоров, хотя немало и других похожих черт. Основное отличие связано с широким применением рыбьих позвонков для декорирования сосудов, что, безусловно, является изобретением местного населения.

Культура ямочно-гребенчатой керамики возникла в конце V тыс. до н.э. и развивалась параллельно с ранненеолитической, вероятно, не менее 400–500 лет. Ранненеолитическое население не было столь многочисленным, как средненеолитическое (с ямочной керамикой), вело более подвижный образ жизни, не строило углубленных жилищ. Видимо, в этой культурной среде рыболовство играло весьма значимую роль, поскольку при раскопках часто находят остатки рыбьих позвонков. Их оттисками украшены сосуды. В быту широко применялась природная минеральная краска, в результате чего культурный слой памятников чаще всего имеет красноватый цвет. Найдены ямы, заполненные охрой. Сосуды сперрингс нередко имеют следы окрашенности охрой.

Носители культуры сперрингс предпочитали для выделки каменных орудий в большей степени применять местные породы – кварц, лидит, в то время как население с ямочно-гребенчатой керамикой шире использовало кремнь. Ассортимент каменных изделий также имеет свои характерные особенности в каждой неолитической культуре. В сущности, здесь мы видим две глубоко различные традиции, проявляющиеся даже в мелочах. Так, например, при

изготовлении посуды применялся способ наклепа глиняных лент друг на друга, в то время как для сосудов ямочно-гребенчатой керамики использовался метод их соединения встык.

Таким образом, по материалам карельских памятников невозможно проследить трансформацию ранне-неолитической культуры сперрингс в средне-неолитическую с ямочно-гребенчатым типом орнаментации. Вероятно, тот временной промежуток, когда обе культуры сосуществовали на одной территории, был важным моментом для начала формирования общей культуры, окончательное завершение которого произошло в позднем неолите – раннем энеолите Карелии.

Происхождение неолитических культур лесной зоны

Проблема происхождения и взаимодействия археологических культур эпохи неолита занимала исследователей с начала XX в. Орнаменты на древней керамике традиционно рассматривались в качестве одного из явных этнических признаков (Фосс, 1952). Изучая и сравнивая их, исследователи выделили обширные культурные области с традициями накольчато-гребенчатой и ямочно-гребенчатой орнаментации. Сходство основных элементов культуры (прежде всего керамики) привело исследователей к мнению об этнической близости каждого пласта неолитической культуры в рамках этой громадной территории. Отсюда вытекали гипотезы о миграциях, хотя само по себе распространение керамики может и не означать миграции населения. Могло происходить проникновение небольших групп людей, так называемая инфильтрация. Большинство исследователей сходятся на том, что для процессов сложения раннекерамических культур характерно сочетание явлений автохтонного развития и диффузионного распространения технологии керамического производства. Безусловно, с накоплением материалов представления об этнокультурной истории значительно усложняются, однако среди археологов, этнографов и лингвистов господствующей является точка зрения о широких миграционных процессах в эпоху неолита и о связи предков современных финно-угров с культурами ямочно-гребенчатой керамики.

Рассмотрим, насколько с учетом имеющихся археологических и антропологических данных можно принимать данные гипотезы.

Вопросы этнической принадлежности культуры сперрингс не только не выяснены, но и являются в последнее время достаточно запутанными. Первую попытку найти ее прародину в днепродонецкой культуре предпринимал еще А. Яюряпя (Äugärpä, 1955). Н. Н. Гурина искала ее истоки на Урале и в Зауралье, говоря о сходных элементах и мотивах орнамента (Гурина, 1961). Г. А. Панкрушев был сторонником автохтонной точки зрения, считая, что керамика сперрингс появилась на территории ее существования – в Карелии и Финляндии, поскольку не сомневался в явной преемственности позднемезолитических и ранненеолитических комплексов каменного инвентаря. Иначе говоря, культура сперрингс – результат развития мезолитической культуры аборигенного населения Карелии на новом этапе. Извне (с более южных территорий) был заимствован лишь сам навык изготовления глиняной посуды. Сходные представления существуют и сегодня. Так, например, К. Э. Герман преемственность каменного инвентаря позднего мезолита и раннего неолита видит в сходных породах камня, в соотношении орудий и отходов производства, в степени утилизации каменного сырья, в приемах изготовления орудий, также в отдельных типах орудий (Герман, 2001). Выше уже указывалось, что сомнения в преемственной связи позднемезолитического и ранне-неолитического каменного инвентаря высказаны В. Ф. Филатовой (см. ст. в наст. сб.). Позднемезолитические истоки раннего неолита выявлены и на других территориях – в восточном Прионежье, на верхней Волге. Однако не следует забывать о том, что там самый ранний неолит датируется последней четвертью – концом VI тыс. до н.э. (Костылева, Зарецкая, 2004, с. 52–55; Иванищев, Иванищева, 2004, с. 60–69), что позволяет проследить, по мнению исследователей, переход от одной эпохи к другой. А в Карелии наблюдается заметный хронологический разрыв, который достигает не менее 500–600 лет. Не исключено, что памятники с самой ранней керамикой в Карелии еще не выявлены. Во всяком случае, о такой вероятности свидетельствуют новые материалы из южного и восточного Прионежья, где как будто бы выделяется довольно ранний

пласт керамики с гребенчатой и оригинальной орнаментацией, могущий претендовать на роль «промежуточного звена» между культурами сперрингс и верхневолжской орнаментацией (Ошибкина, 2003, с. 241–253; Иванищев, Иванищева, 2004, с. 64).

Вопросы происхождения неолита лесной зоны с ямочно-гребенчатой керамикой по-прежнему вызывают жаркие споры и расхождения. Имеются две диаметрально противоположные точки зрения. В. В. Сидоров считает носителей такой керамики прямыми наследниками верхневолжской культуры (Сидоров, 1990, с. 109). Д. А. Крайнов их родину видел на севере (Крайнов, 1991, с. 66–72). Пытаясь развить его взгляды, современные исследователи территории Волго-Окского междуречья подчеркивают, что внимательный анализ материалов показывает отсутствие как морфологической, так и технологической преемственности между ранней ямочно-гребенчатой керамикой и финальной верхневолжской (Жилин и др., 2002, с. 72–74). На этом основании они приходят к предположению о том, что имело место не массовое переселение, а постепенная инфильтрация отдельных групп разнोकультурного северного населения и смешение его с верхневолжским, в результате чего образовалась льяловская культура. Она сочетала как пришлые, так и местные элементы. Керамика северного облика сопоставима со сперрингс и Сяр 1, с ранней гребенчатой (сюда относятся также и сосуды, орнаментированные так называемыми косыми насечками). Вряд ли это результат миграции из Волго-Окского междуречья, так как именно на территории Финляндии, Норвегии, Кольского полуострова находятся основные памятники. Исследователи ссылаются и на антропологические данные: на приток населения в Волго-Окское междуречье именно с севера указывает близкий антропологический тип северного неолитического населения, и особенно льяловцев. На самом деле антропологический тип населения Севера лесной зоны нам практически неизвестен. Как правило, ссылаются на Караваевские захоронения (Брюсов, 1961, с. 72–162), однако по стратиграфическим данным, к эпохе неолита можно отнести только восемь погребений. К тому же вовсе не исключен их более ранний возраст.

Современные археологические данные явно противоречат установившейся с начала XX в. гипотезе о широкой экспансии льяловского населения на север. Прежде всего отметим, что неолитическая ямочно-гребенчатая керамика территории Карелии демонстрирует набор специфических технико-типологических признаков, не характерных или почти не характерных для льяловских сосудов. Здесь мы прослеживаем особые орнаментальные традиции, которые и выделяют данную керамику среди прочей. Датировки ранней ямочно-гребенчатой керамики в Карелии и ранней льяловской в Волго-Окском междуречье практически совпадают, и это не согласуется со взглядами как Д. А. Крайнова, так и сторонников волго-окской неолитической миграции. Вероятно, следует признать факт самостоятельного формирования культур с ямочно-гребенчатой керамикой в центральной и северной регионах лесной зоны, что, разумеется, не исключает отдельных контактов и связей населения этих территорий, достаточно ярко проявившихся, на мой взгляд, в эпоху развитого неолита. В силу неравномерной изученности территории, отсутствия публикаций многих важных коллекций, проследить более детально эти взаимоотношения не представляется возможным. Вероятно, отражением таких связей и является керамика с многорядными линейными зигзагами, которая изредка встречается на памятниках Волго-Окского бассейна и даже в Среднем Поволжье (Ставицкий, 1999, с. 159).

Исследователи всегда придавали большое значение выяснению этнической принадлежности населения Карелии каменного века, однако серьезных оснований для подобных реконструкций не было ни раньше, ни теперь. Многие гипотезы сейчас представляют лишь историографический интерес. В частности, Г. А. Панкрушев пытался увидеть процесс развития культуры пришельцев, их взаимоотношения с аборигенами, ассимилятивные процессы, происходившие в среде смешанного населения, формирование новой единой культуры (Панкрушев, 1978, ч. 2, с. 69–75).

По его мнению, первая керамика в Карелии появилась в среде мезолитических протосаамов (культура с кварцево-сланцевой индустрией), а культура сперрингс была эпохой наибольшего расцвета и заката протосаамской самодийской культуры. Появившаяся

позже льяловская керамика являлась свидетельством расселения волго-окских пришельцев протофинно-угорского происхождения – родственников мезолитического населения, пользовавшегося кремневым инвентарем. Первоначально аборигены с керамикой сперрингс численно резко преобладали над волго-окскими пришельцами, но затем ситуация изменилась: усиленный приток льяловцев ассимилировал владельцев сперрингс, в результате чего образовалась смешанная карельская культура. Эти группы людей говорили на различных диалектах волжско-финского языка с большой примесью протосаамской самодийской речи.

Таким образом, Г. А. Панкрушев, как и многие другие (Мейнандер, 1974; Долуханов, 2003 и др.), является сторонником гипотезы, согласно которой племена с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой от Прибалтики до Урала были древними финно-уграми. Позднее на этой основе сформировались угорская и финская общности. Под влиянием подобных, давно устаревших представлений излагает свой взгляд на происхождение финно-угров современный лингвист В. В. Напольских (1997б).

Не проясняют проблему происхождения неолитических этносов и палеоантропологические исследования, хотя и существенно дополняют наши знания об облике людей этого времени (Алексеева, 1997; Алексеева, Крутц, 2002). Впервые на территории Волго-Окского междуречья проанализирован большой антропологический материал со стоянок Сахтышской группы и других памятников (всего 114 скелетов). Исследованные погребения по ряду признаков четко подразделяются на льяловские (18) и волосовские (94), кроме того, два из них отнесены к верхневолжскому слою. Согласно краниологическим исследованиям (Алексеева, 1997, с. 18–41), льяловское и волосовское население было различно по происхождению. Так, льяловцы имели более выраженный лапоноидный облик (смягченные монголоидные черты) и являлись чужеродным населением. В то же время среди них есть и представители с четко выраженными европеоидными чертами. Иными словами, здесь наблюдается смешение различных антропологических типов. В дальнейшем, уже в волосовское время, процент носителей монголоидных черт заметно уменьшается, европеоидный тип увеличивается, а количество смешанных типов не изменяется.

По мнению Т. И. Алексеевой, антропологические данные фиксируют преемственность между мезолитическим населением Восточно-Европейской равнины и верхневолжской культурой. Присутствие лапоноидного типа в льяловских захоронениях говорит о пришлое население здесь уже в эпоху развитого неолита, но оно не было многочисленным, поэтому в энеолитическое время происходит возврат к исходному антропологическому типу. Таким образом, у исследователя не вызывает сомнения факт происхождения антропологических черт носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики с восточных территорий России, возможно, из Зауралья.

Вместе с тем антропологами выявлены генетические связи воловской, днепро-донецкой и нарвской культур. Следовательно, можно предполагать, что истоки неолитического населения европеоидного пласта восходят к мезолитическому населению, которое явно тяготеет в своем происхождении к Балтийскому региону. Население ямочно-гребенчатой керамики могло сформироваться на основе мезолитического европеоидного пласта, но с большим удельным весом монголоидного компонента, чем население воловской, днепро-донецкой и нарвской культур.

Несмотря на то что антропологические материалы несколько склоняют чашу весов в сторону восточной гипотезы происхождения древних финно-угорских народов, эта точка зрения по-прежнему не более чем гипотеза, поскольку ей противоречат данные других наук. К тому же количество краниологических серий явно недостаточно для убедительных выводов.

Вероятно, культура ямочно-гребенчатой керамики – культурно-историческая общность, которая, видимо, имела общие генетические корни, нашедшие свое яркое отражение в орнаментации керамики. Эта макрокультура, включавшая несколько родственных культур, охватила большую часть Северной и Восточной Европы от Урала до Балтики и от Финляндии до северной Украины. Она могла участвовать в формировании финно-угорязычного населения в Северной и Восточной Европе, но это не более чем гипотеза, поскольку приведенные данные, как археологические, так и палеоантропологические, малочисленны, территориально локализованы,

часто неточны и противоречивы. Думается, что древние этнические процессы, имевшие место в Карелии, в эпоху неолита были более сложными, чем нам представляется сегодня. Неолитическое население, скорее всего, являлось неоднородным, что обуславливалось частыми передвижениями людей на новые территории, где создавались условия для контактов и смешения с аборигенами.

Может быть, следует также привлечь карельские наскальные изображения с точки зрения интересующей нас проблемы. Например, этнограф К. Д. Лаушкин не сомневался в том, что петроглифы принадлежали древнейшему протосаамскому населению Карелии, опираясь на собственные весьма субъективные расшифровки петроглифов (Лаушкин, 1968). Скорее всего, наскальные памятники восточного побережья Онежского озера и низовьев р. Выг относятся в целом к неолитической эпохе и, вероятно, связаны с культурами ямочно-гребенчатой и ромбоямочной керамики. Об этом свидетельствуют имеющиеся археологические материалы и высотные данные (Лобанова, 1993, с. 39–49). Несмотря на существенные различия в тематике и стиле, в обоих скоплениях имеются близкие сюжеты (композиции охоты на белуху), техника исполнения, размеры, стиль и т.д. Более того, можно найти и совершенно идентичные фигуры и сцены, как будто сделанные одной рукой (например, «сцены дефлорации» на Старой Залавруге и мысе Пери Нос, фигуры птенцов лебедей с двумя «ушами» на мысе Пери Нос 2 и Бесовы Следки 2) (Равдоникас, 1938; Савватеев, 1983). Это поразительное сходство невозможно объяснить иначе, как близкими контактами людей, живших более чем в 300 км друг от друга. Все вместе взятое приводит к мысли, что это население одной культуры и одного этнического круга. В то же время на скалах Беломорья нередки сцены борьбы, противостояния. На Старой Залавруге мотив войны даже является главным. Что это отражает? Кровавые схватки за охотничьи угодья между местным населением и чужаками-инородцами (с керамикой Сяр 1)? Конечно, ответа на эти вопросы нет, но сами факты наличия на прибалтийских скалах уникальных сцен сражений между людьми очень любопытны.

Несомненно, попытка анализа петроглифов в свете проблемы этнической принадлежности их создателей — это отдельная и очень

сложная тема, требующая специального рассмотрения, в том числе и материалов окружающих поселений.

* * *

На основании вышеизложенного можно попытаться суммировать суждения об этнической истории неолитического времени на северо-западе лесной полосы Европейской России.

На наш взгляд, мнение В. Ф. Филатовой о стагнации позднемезолитической культуры пока не имеет достаточно серьезных оснований. Во-первых, памятников этого времени очень мало, они изучены слабо. Между самыми ранними памятниками со сперрингс и самыми поздними стоянками эпохи мезолита существует хронологический разрыв. Во-вторых, упадок культуры требует объяснения. Сведений о неблагоприятных природных изменениях у нас нет. Наоборот, это пик климатического оптимума в голоцене (вторая половина V – начало IV тыс. до н.э.) (Девятова, 1986, с. 34–37). Возможно, отмеченная деградация каменного инвентаря могла быть связана с более широким применением кости и рога в силу каких-то неведомых нам причин. В среде позднемезолитического населения, обитавшего в бассейне Онежского озера и прилегающих районах, была воспринята идея изготовления глиняной посуды, проникшая сюда с более южных территорий, вероятнее всего, занятых верхневолжской культурой. Эта идея могла распространиться вместе с отдельными группами людей, попавшими под влияние местной культуры. На наш взгляд, вряд ли можно говорить о мощной волне переселенцев и последующей резкой смене населения. Основу его по-прежнему должно было составлять именно местное население, которое постепенно продвигалось на север, осваивая все новые и новые районы. Были ли эти новые группировки чужеродными местному населению или нет – на это археологические источники ответа не могут дать. Если принять точку зрения, что это были выходцы с верхней Волги, то можно считать их европеоидами, судя по некоторым материалам из могильников верхневолжской культуры. Вероятно, самые ранние памятники неолита находятся в южном Прионежье (ранняя гребенчатая керамика Тудозера V), в Карелии они практически не изучены. Однако в основном для украшения керамики здесь использовались

специфические предметы – позвонки рыб при сохранении других элементов орнаментации. Это наиболее яркая особенность данной посуды, можно сказать, уникальная. Территория распространения культуры сперрингс очерчивается достаточно четко: преимущественно в районах западнее и севернее Онежского озера и в меньшей степени в восточных и юго-восточных районах Карелии.

Развитый ее этап характеризуется первыми контактами с носителями ямочно-гребенчатой керамики. Ответить на вопрос о причинах появления последней и характере ее распространения на территории Карелии очень сложно из-за отсутствия данных. Тем не менее мне представляется, что первоначально ямочно-гребенчатая керамика возникла на территории юго-восточной Карелии и прилегающих к югу и юго-востоку районах Архангельской и Вологодской областей примерно в последней четверти V – начале IV тыс. до н.э. В позднем мезолите здесь обитало население, которое широко применяло кремневое сырье для изготовления орудий. В этой культурной среде (этнически отличной от носителей культуры сперрингс) и появилась керамика, украшенная преимущественно круглыми ямками в сочетании с оттисками штампов. Ее декоративные элементы и мотивы могли быть унаследованы от более древних традиций, проявлявшихся для иных целей и на других материалах, не дошедших до нас. Нельзя исключить и пополнение коллективов за счет пришедших с юга и юго-востока людей. На поселениях юго-восточной Карелии и восточного Прионежья, вероятно, какое-то время еще сохранялась пластинчатая техника в кремневой индустрии, но ко второй половине IV тыс. до н.э. она постепенно вышла из употребления. Население сперрингс, довольно редкое и малочисленное в этом районе, попало под влияние групп – владельцев ямочно-гребенчатой керамики, что нашло отражение среди материалов памятников. Носители ямочно-гребенчатой посуды начали (с середины IV тыс. до н.э.) освоение новых территорий – к северу и северо-западу, ассимилируя население сперрингс. Наступает эпоха доминирования ямочно-гребенчатых узоров и более тесных контактов с обитателями центра Русской равнины.

Для финального этапа образовавшейся культуры (рубеж III и IV – начало III тыс. до н.э.) характерны более устойчивые и длительные контакты с западными и юго-западными территориями – Приладожьем и Прибалтикой, что выразилось в распространении гребенчатых штампов и других черт в керамике. Вероятно, в это же время в юго-восточной Карелии появляется ромбическая ямка. Происхождение этого элемента декора неясно, однако поселения южной Карелии (юго-западный и юго-восточный берег Онежского озера) демонстрируют интересные примеры сочетания в орнаменте круглых и ромбических ямок. Эта посуда производит впечатление довольно ранней. Вероятно, она может относиться к рубежу IV–III тыс. до н.э.

Таким образом, можно говорить о различном происхождении и самостоятельном развитии в Карелии двух керамических традиций, одна из которых (сперрингс) является более ранней. Какой-то промежуток времени сперрингс и ямочно-гребенчатая керамика сосуществовали, контактируя и в разной степени перенимая культурные традиции друг у друга. Параллельно, видимо, происходило проникновение отдельных общин и интеграция их в среду каждой из этих культурных формирований из южных, юго-восточных и юго-западных районов. Окончательная интеграция обеих культур произошла уже в поздненеолитическое время.